

УДК 327(560)

**ИМИДЖЕВОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ТУРЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ИНТЕГРАЦИИ ТЮРКСКОГО МИРА**

И.Н. Сабов

Статья посвящена обоснованию тезиса о том, что стратегия имиджевого позиционирования Турции в Центральной Азии как «лидера тюркского мира» не является эффективной, что проявляется в резистентности центральноазиатских республик в выстраивании отношений с Анкарой в интеграционном фарватере. Данная ситуация обусловлена тремя причинами. Во-первых, основным компонентом привлекательности имиджа Турции является актуализация культурно-языковой близости и конфессионального родства тюркских народов на фоне того, что формирование уникальной национальной идентичности для центральноазиатских республик выступает фактором их субъектности на международной арене. Во-вторых, политические амбиции Анкары, проявляющиеся в попытках вмешиваться во внутренние дела стран региона, не подкрепляются ни значительным экономическим весом, ни потенциалом разрешения конфликтогенных региональных ситуаций. В-третьих, внутриполитические трансформации в Турции свидетельствуют о гибридизации модели секулярного государства, что является угрозой безопасности светских режимов в регионе.

Ключевые слова: Турция; тюркский мир; Центральная Азия; пантюркизм; неоосманизм.

**БОРБОРДУК АЗИЯДАГЫ ТҮРКИЯНЫН САЯСИЙ БЕДЕЛИНИН
ПОЗИЦИЯСЫН БЕЛГИЛӨӨ: ТҮРК ДҮЙНӨСҮНҮН ИНТЕГРАЦИЯСЫН
ИНСТИТУТТАШТЫРУУНУН КӨЙГӨЙЛӨРҮ**

И.Н. Сабов

Макалада Борбордук Азияда Түркиянын «түрк дүйнөсүнүн лидери» катары саясий беделинин позициясын белгилөө стратегиясы натыйжалуу болбогондугу тууралуу айтылган. Ал интеграциялык фарватерде Анкара менен мамиле түзүүдө Борбордук Азия өлкөлөрүнүн резистенттүүлүгүндө байкалат. Бул кырдаал үч себеп менен шартталган. Биринчиден, Борбордук Азия өлкөлөрү үчүн кайталангыс улуттук бирдейликти түзүү дүйнөлүк аренада алардын субъективдүүлүгүнүн фактору болгондугунун фонунда түрк элдеринин конфессионалдык туугандыгын жана маданий-тилдик жакындыгын актуалдаштыруу Түркиянын саясий беделинин привлективдүүлүгүнүн негизги бөлүгү болуп саналат. Экинчиден, аймактагы өлкөлөрдүн ички иштерине кийлигишүү аракеттеринде байкалган Анкаранын саясий дымагы көрүнүктүү экономикалык салмактуулук менен да, чыр-чатактуу мүнөздөгү аймактык кырдаалдарды чечүү потенциалы менен да бекемделбей келет. Үчүнчүдөн, Түркиядагы ички саясий өзгөрүүлөр секулярдык мамлекет үлгүсүн гибриддештирүүдөн кабар берет, бул өз учурунда аймактагы светтик режимдердин коопсуздугуна коркунуч болуп эсептелет.

Түйүндүү сөздөр: Түркия; түрк дүйнөсү; Борбордук Азия; пантюркизм; неоосманизм.

**IMAGE POSITIONING OF TURKEY IN CENTRAL ASIA:
PROBLEMS OF INSTITUTIONALIZATION
OF THE TURKIC WORLD INTEGRATION**

I.N. Sabov

The article is devoted to the substantiation of the argument that the strategy of image positioning of Turkey in Central Asia as the “leader of the Turkic world” is not effective that is manifested in the resistance of the Central Asian republics in building relations with Ankara in the integration framework. This situation is due to three reasons. First,

the main component of the attractiveness of Turkey's image is the actualization of the cultural and linguistic affinity and confessional kinship of the Turkic peoples against the background of the fact that the formation of a unique national identity for the Central Asian republics is a factor of their subjectivity in the international arena. Second, Ankara's political ambitions, which are manifested in attempts to interfere in the internal affairs of the countries of the region, are not supported either by significant economic weight or by the potential for resolving conflict-prone regional situations. Third, the internal political transformations in Turkey indicate the hybridization of the secular state model, which is the threat to secular regime security in the region.

Keywords: Turkey; Turkic world; Central Asia; Pan-Turkism; Neoosmanism.

С распадом СССР Турция выступила одним из влиятельных внешних акторов в Центральной Азии. С одной стороны, Анкара воспринимала регион в качестве сферы внешнеполитического влияния, где ключевыми механизмами влияния могут стать, прежде всего, этнические, лингвистические и культурные связи. Новые независимые республики Центральной Азии для Турции стали той группой государств, органической частью которых она могла стать, принимая во внимание ее сформированный к этому времени имидж вестернизированного государства с мусульманским большинством населения, амбивалентный образ государства, занимающего промежуточное положение между Европой и Ближним Востоком. В этом аспекте примечательно высказывание С. Хантингтона: «Отвергнув Мекку, а затем будучи отвергнутой Брюсселем, в какую сторону должна смотреть Турция? Вероятным ответом может быть Ташкент. Распад Советского Союза предоставил Турции возможность стать лидером тюркской цивилизации» [1, p. 42].

С другой стороны, как отмечает Т. Уиллер, активизация Турции в отношении стран Центральной Азии была детерминирована стремлением усилить свои позиции в диалоге с Западом, а не созданием альтернативного вектора внешнеполитического курса: не получив членства в Европейском союзе в 1989 г., Турция надеялась, что через усиление своих политических и экономических позиций в центральноазиатских республиках сможет создать ареал своего лидерства, для которого она станет «мостом» для внешнего мира и таким образом докажет свою стратегическую важность для Запада [2, p. 3].

Анкара стала активно продвигать тюркскую идентификационную доминанту во взаимоотношениях со странами Центральной Азии. При этом в дискурсе политического истеблишмента Турции отсутствовали жесткие нарративы построения пантюркистского союза. Он отличался наличием высокопарных заявлений о будущем турецко-центральноазиатских взаимоотношений, касающихся:

- *территориального охвата тюркского мира:* занимавший в 1992 г. пост премьер-министра С. Демирель выдвигал идею «тюркского мира от Адриатического моря до Великой китайской стены», который представляет собой важный культурно-цивилизационный блок мирового пространства;
- *роли идентичности в развитии тюркского мира:* экс-президент Т. Озал на открытии первого саммита лидеров тюркских государств в том же году заявил о том, что XXI в. будет «веком тюрков», а идентичность выступит важным связующим звеном между Турцией и тюркскими государствами, отношения между которыми должны быть соизмеримы с «уровнем родства их населения»;
- *роли Турции в интеграции тюркского мира:* бывший министр иностранных дел Турции Х. Четин в ходе своей поездки по странам региона в 1992 г. объявил о том, что Турция готова представлять тюркоязычные государства в международных организациях.

Официально притязания Турции в регионе были обозначены в 1993 г. в рамках утверждения парламентом Турции программы правительства Тансу Чиллер, когда новые

независимые республики региона были объявлены зоной особого интереса ввиду тюркского происхождения и исламской конфессиональной принадлежности их населения, что обуславливало особые обязательства Турции в процессе их открытия миру, поскольку идентичность ни одной другой страны не объединяет этих двух элементов [3, с. 45].

В контексте символических действий, которые имплементировала Турция в фарватере своего имиджевого позиционирования следует отметить следующие. Во-первых, в 1992 г. в целях развития экономических, культурных, социальных и политических связей с центральноазиатскими республиками путем предоставления им технической и консультационной помощи были созданы Турецкое агентство по международному сотрудничеству и координации (ТИКА), а также Совет по внешнеэкономическим отношениям Турции (ДЕИК). Во-вторых, с 1992 г. Турция стала проводить саммиты глав тюркоязычных государств, на первом из которых занимавший должность президента Т. Озал озвучил идеи создания общего тюркского рынка и тюркского банка. В-третьих, это развитие культурно-образовательного взаимодействия посредством создания в 1993 г. Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) как эквивалента ЮНЕСКО и запуска программы студенческих обменов “Big Student Project”. Вплоть до настоящего времени Турция проявляет особый интерес именно к культурно-образовательному аспекту взаимодействия. Так, посредством вышеупомянутой программы, цель которой состояла в том, чтобы упростить процесс подачи документов и зачисления в турецкие высшие учебные заведения для студентов из стран Центральной Азии для формирования поколения бизнес- и политической элиты, лояльной к Турции, тысячи молодых людей получили стипендии на обучение в Турции [4, р. 19].

С позиции центральноазиатских республик формируемый Турцией имидж «моста» для связи с внешним миром на базе культурно-конфессионального родства в начале

1990-х гг. воспринимался с доверием и воодушевлением ввиду стремления избавиться от советского наследия, возродить национальное самосознание и стать полноценными членами международного сообщества. В частности, президенты Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана во время своих визитов в Турцию в 1991 г. сделали схожие заявления о том, что они считают Турцию хорошим примером для подражания [5, р. 115–116].

Однако к середине 1990-х гг. пул объективных обстоятельств и реальных действий Анкары обозначил амбивалентность конструируемого образа Турции и детерминировал дистанцирование политического истеблишмента центральноазиатских республик.

Во-первых, была подвергнута сомнению устойчивость секулярной модели политической системы Турции, когда в 1995 г. к власти пришла происламская Партия благоденствия под руководством Н. Эрбакана, который, став премьер-министром в 1996 г., изменил внешнеполитический вектор Турции в направлении приоритизации сотрудничества с мусульманскими странами Ближнего Востока и Северной Африки, и свои первые визиты на посту премьер-министра он совершил в Иран, Ливию и Пакистан.

Во-вторых, экономический потенциал Турции не соответствовал ожиданиям центральноазиатских республик, которые именно в экономике видели драйвер интеграционных процессов. Несмотря на выделенные кредиты Экспортно-импортным банком Турции странам региона, общая сумма которых в 1996 г. достигла 1 млрд долл., а также экономическую активность турецких фирм, главным образом, в сфере строительства, а также банковском деле, в начале 1990-х гг., уже к 1997 г. товарооборот между республиками снизился с 1306 млн долл. до 873 млн долл., численность турецких фирм и предприятий значительно сократилась [6, с. 40].

В-третьих, Анкара продемонстрировала неспособность обеспечить безопасность «тюркского мира» во время гражданской

войны в Таджикистане, в урегулировании ситуации в котором решающую роль сыграла Россия. По мнению В. Сасли, у Турции, с одной стороны, не было достаточного объема ресурсов для стабилизации и развития тюркоязычных республик, даже несмотря на то, что она была признана одной из самых успешно развивающихся экономик мира в начале 1990-х гг., с другой стороны, ключевую роль сыграла географическая удаленность [7, p. 201–202].

В-четвертых, республики региона не устраивало позиционирование Турции в качестве «большого брата», который выступает не просто примером для подражания, а диктует нормы поведения государств на мировой арене [8, с. 199]. В этом отношении сыграли значимую роль два фактора. С одной стороны, имиджевое позиционирование самих центральноазиатских республик базировалось на самостоятельном формировании уникальной национальной идентичности, которая в советский период была подчинена наднациональной идентичности советского гражданина, а не на ее конструировании третьей стороной. С точки зрения выстраивания внешнеполитического вектора, уникальность национальной идентичности обуславливает самостоятельное определение внешнеполитических партнеров.

С другой стороны, несмотря на то, что Анкара отвергала приверженность идеям пантюркизма во внешней политике, предполагающим создание политического союза тюркоязычных стран, о чем в 1994 г. открыто говорил С. Демирель на конференции «Евразия в наши дни», в 1992 г. во время своего тура по странам региона в составе его делегации был А. Тюркеш, лидер Партии националистического действия, которая официально подтвердила свои пантюркистские воззрения, пропагандируя лидерство Турции в «тюркском мире» [9, с. 316].

Другим кейсом, указывающим на лидерские притязания Турции выступает факт оказания Анкарой поддержки националистическим политическим силам, которые

разделяли турецкую концепцию «тюркского мира». В частности, М. Салих и А. Пулатов – лидеры правых партий Узбекистана «Эрк» и «Бирлик», соответственно, эмигрировали в Турцию под давлением организованных репрессий со стороны правящего режима и, по сути, получили там убежище. Таким образом, Турция фактически обозначила свое намерение влиять на внутривосточные процессы в странах региона.

Как следствие, ряд внешнеполитических действий и заявлений глав государств Центральной Азии обозначил низкий уровень популярности имиджа Турции в регионе как «моста» в международное сообщество для братских государств.

Первое. Центральноеазиатские государства не поддержали Анкару в споре с Республикой Кипр и не признали Турецкую Республику Северного Кипра.

Второе. Первый саммит глав тюркских государств в 1992 г. фактически завершился провалом для Турции, поскольку по его итогам не было инициировано каких-либо интеграционных институциональных структур. Более того, Н. Назарбаев высказался против создания организации на основе этнических или религиозных критериев, что может привести к напряженности со странами СНГ.

В свою очередь, вкуче данные условия обусловили необходимость пересмотра Анкарой стратегии имиджевого позиционирования в регионе. Ключевым внутривосточным триггером в этом отношении стали внутривосточные трансформации в Турции – приход к власти Партии справедливости и развития под руководством Р. Эрдогана и его попытки репозиционировать Турцию на геополитической арене, выстроить равноправные отношения с Западом через отказ от статуса второстепенного актора. Данный сдвиг в самоидентификации Турции обусловил развитие новой когнитивной карты внешнеполитического курса страны. Ее идеологическую основу составляет концепция неоосманства, о чем в 2009 г. официально объявил А. Давутоглу [10, с. 160]

ядром неоосманизма выступают тезисы о былом величии Османской империи как одного из крупнейших государственных образований, центре мусульманского мира планеты и наследнике арабского халифата. Иными словами, Турция, позиционируя себя преемницей Османской империи, должна превратиться в мировой полюс власти, базисом которого должно стать историческое, культурное и конфессиональное наследие Османской империи. Отсюда вытекает и формула Великой Турции, предложенная А. Давутоглу: «неоосманизм + пантюркизм + ислам = Великая Турция» [11], в которой прослеживается отказ от регионального позиционирования в сторону ведущей роли на евразийском континенте, принимая во внимание обширные территории, входившие в состав Османской империи и страны с мусульманским большинством населения.

В аспекте характера воздействия на Центральную Азию изменение самоидентификации Турции проявилось в дополнении ключевых элементов в конструировании имиджа государства – в настоящее время актуализировалась религиозная составляющая внешнеполитической практики Анкары, а также произошло смещение акцентов в объектах воздействия – с политической системы на общество.

В контексте символических действий, необходимо отметить тот факт, что с 2007 г. импульс к активизации турецко-центральноазиатских отношений был задан занимавшим в тот момент пост президента А. Гюлем, который совершил свои первые поездки в этом статусе именно в страны Центральной Азии. В последующем значимость региона была обозначена созданием в 2008 г. Парламентской Ассамблеи тюркоязычных стран (ТюркПА) и в 2009 г. – Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ), в которые, наряду с Турцией, вошли Азербайджан, Казахстан и Кыргызстан, а в 2019 г. членом ССТГ стал Узбекистан. При этом если декларируемые цели ТюркПА состоят в усилении политического диалога, социально-экономических, культурных и гуманитарных отношений, то ССТГ

заявляет о более амбициозных намерениях – усилении взаимного доверия и отстаивании общих позиций на международной арене, содействии торговле и взаимным инвестициям, совместном противодействии международному терроризму, экстремизму и трансграничной преступности. Однако эффективность данной институционализации сотрудничества тюркских государств является низкой в силу тех же причин, что были ключевыми блокирующими факторами и в 1990-х гг., а именно:

а) противоречия между значительным культурно-конфессиональным потенциалом и незначительным экономическим присутствием в регионе;

б) лидерские амбиции Турции, проявляющиеся в стремлении выступать от имени всего тюркского мира.

В качестве репрезентативного кейса, раскрывающего слабость позиций Турции в качестве лидера тюркского мира стала ситуация с опальным религиозным лидером Ф. Гюленом, учебные заведения под патронатом которого Анкара требовала закрыть в странах ССТГ – Кыргызстане и Казахстане ввиду выдвинутого ему обвинения в организации попытки вооруженного переворота в Турции в 2016 г. Руководство Кыргызстана отказалось от закрытия образовательных учреждений и, чтобы снять напряженность в межгосударственных отношениях, применило уже отработанную схему переименования – сеть из 16 образовательных учреждений «Себат» получила новое название – «Сапат» [6, с. 43] при сохранении действующих названий университета «Ататюрк – Ала-Тоо» и школ «Silk Road» и «Cambridge». В последующем, несмотря на попытки турецкой стороны обозначить необходимость закрытия всех учреждений, связанных с Ф. Гюленом в 2018 г. (высказывания Р. Эрдогана во время визита С. Жээнбекова в Турцию об охлаждении отношений между двумя республиками ввиду деятельности организаций, подконтрольных гюленистам) и в 2019 г. (скандал, разразившийся во время организованного ДУМК ифгара, когда посол

Турции в резкой форме выразил свое негодование в отношении присутствующего одного из образовательных учреждений сети «Сапат», фактически выдвинув ультиматум – или официальное руководство Турции, или Ф. Гюлен) [9, с. 331, 333], Бишкек не изменил свою позицию по данному вопросу.

Соответственно, особую важность для Анкары в контексте имиджевого позиционирования приобретают механизмы воздействия на общественное мнение. На современном этапе они характеризуются доминированием религиозной доминанты. В частности, Б. Балчи и Т. Лилиз отмечают, что турецкие инициативы в религиозной сфере не всегда коррелируют со светским характером государства Турции, соперничая с Ираном и Саудовской Аравией [4, р. 20]. Главным драйвером религиозного влияния Турции в Центральной Азии выступает Управление по делам религии Турции (Диянет), которое либо напрямую, либо через фонд «Туркия диянет вакфы» реализует свое присутствие в регионе через инициативы в сфере религиозного образования, строительство мечетей, распространение религиозной литературы. В частности, Диянет активно участвует в строительстве и реставрации мечетей в странах региона. Одним из наиболее значительных примеров в этом отношении выступает строительство рассчитанной на 10 тыс. человек Центральной мечети в Бишкеке, в архитектуре которой прослеживаются паттерны Софийского собора в Стамбуле.

Наряду с возведением мечетей, Управление по делам религий Турции предоставило стипендии сотням студентов из республик Центральной Азии для прохождения обучения на факультете теологии университета Мармара, одного из старейших и престижных университетов Турции. Кроме того, Диянет способствовало открытию нескольких теологических факультетов в странах Центральной Азии – в Ашхабаде, Оше и Шымкенте, выступая, таким образом, в качестве одного из ключевых акторов в подготовке национальных религиозных кадров стран региона. В частности,

в Ошском государственном университете «Туркия диянет вакфы» организует мероприятия, в рамках которых подчеркивается важность внедрения в систему религиозного образования Кыргызстана «передового опыта Турции по изучению канонів ислама».

Таким образом, образ Турции в регионе не как «лидера тюркского мира» не является устойчивым, что детерминировано непоследовательной стратегией имиджевого позиционирования. У Турции отсутствует четкое видение в отношении стран «тюркского мира». В этом аспекте ключевыми факторами выступили внутривосточные пертурбации, результирующие в сдвиги во внешнеполитическом позиционировании – от региональной державы к мировому центру силы, от светского государства – к центру мусульманского мира.

Вместе с тем, негативное влияние на имидж Турции в регионе оказывает уверенность ее политического руководства в априорном лидерстве в «тюркском мире» исключительно в силу существующих культурно-языковых связей и исторического наследия при отсутствии необходимого экономического базиса для подтверждения этого лидерства и без учета стремления центральноазиатских республик к самостоятельному позиционированию на мировой политической арене без руководящей роли третьей стороны. Более того, страны Центральной Азии воспринимают продвигаемую Анкарой идею тюркского «братства» в контексте взаимодействия с признанием ее обязательств перед братскими народами, но без признания ее лидерских позиций. В этих условиях воздействие Турции на политические системы стран региона в рамках институциональных структур доказало свою неэффективность и отчасти компенсируется в культурно-религиозной сфере.

Литература:

1. *Huntington S.* The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. No 3.
2. *Wheeler T.* Turkey's Role and Interests in Central Asia // Policy Brief. Saferworld Preventing

- Violent Conflict. Building Safer Lives. October 2013. 12 p.
3. *Величко Л.Н.* Политика «мягкой силы» Турции в регионе Южного Кавказа (1991–2002 гг.): проблемы реализации / Л.Н. Величко // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 3.
 4. *Balci B., Liles T.* Turkey's Comeback to Central Asia // *Insight Turkey*. 2018. Vol. 20. No 4.
 5. *Hovsepyan L.* The Turkish Model and Turkey's Central Asian Policies Conditioned by Western Strategic Interests // *Central Asia and the Caucasus*. 2009. No 2 (59).
 6. *Иванова И.* Турция в Центральной Азии: партнер или соперник? / И. Иванова // *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 7.
 7. *Sasley B.* Turkey in Central Asia: Turkish Identity as Enabler or Impediment // *The New Central Asia. The Regional Impact of International Actors* / ed. E. Kavalski. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2010.
 8. *Мураталиева З.Т.* Взаимодействие Турции и Кыргызстана: геополитический аспект / З.Т. Мураталиева // *Вестник КРСУ*. 2013. Т. 13. № 9.
 9. Геополитические аспекты безопасности Кыргызстана в свете внешнего воздействия на мусульманскую общину страны: коллект. монография / отв. ред. А.Л. Салиев. Бишкек: КРСУ, 2020. 468 с.
 10. *Омаров М.Н.* Центральная Азия в османской и пантюркистской стратегии Турции / М.Н. Омаров // *Геополитические проекты мировых центров сил в Центральной Азии* / отв. ред. А.Л. Салиев. Бишкек, 2018.
 11. *Искендеров П.* Турция: неоосманизм или неоглобализм? URL: <https://www.fondsk.ru/news/2016/04/14/turcia-neoosmanizm-ili-neoglobalizm-ii-39661.html> (дата обращения: 25.12.2020).